

Любопытно, что, вставив свое толкование роли эфоров и цензора, Курбатов не перевел близко расположенное примечание Мабли, в котором говорилось, что Платон и все другие великие мужи древности «всегда желали учредить в своих городах смешанное правление, которое, утверждая власть законов над должностными лицами и власть должностных лиц над гражданами, объединяет преимущества трех обычных правлений (имеется в виду демократия, аристократия, монархия, — Ю. Л.) и не имеет недостатка ни одного из них». Далее Мабли с осуждением говорил о том, что «власть народа в Афинах не знала границ. Правительство являлось лишь пустым названием...». Однако текст примечаний показывает, что, уточняя Мабли, Курбатов разделял самую суть его идей о главенстве народных интересов и стремление к возможному установлению равенства имуществ (об общности земли в «Фокионовых беседах» речи еще не идет). Характерно, что в функциях цензора он выделяет установление прогрессивного налога и «сокращение роскошей».³⁹

Мы сравнительно подробно остановились на переводе Курбатовым книги Мабли, поскольку текст ее был, бесспорно, в поле зрения Радищева. На это указывает, прежде всего, совпадение некоторых внешних особенностей обеих книг. Радищев, как и Курбатов, не перевел подстрочных примечаний Мабли, зато добавил свои. Как и Курбатов, Радищев краткое содержание глав, содержащееся в оглавлении («*Sommaires*») книги Мабли,

³⁹ В этом отношении любопытно, что в другой книге, переведенной Курбатовым — «Опыте о народных недовольствах, из сочинений Шевалье Вильгельма Тампля» (в книге «Два опыта». СПб., 1778) — среди великих писателей назван Томас Мор. В числе причин «непорядкам в государстве» автор переведенной Курбатовым книги называет «неравенство состояний» (там же, стр. 22). В переделах имущества Тампля (William Temple, 1628—1699) видит стремление «приводить (общество, — Ю. Л.) на первобытные его начала через оказание и самое действие некоторых великих добродетелей или некоторыми ж строгостями. Флорентинцы называют то в их республике *Ripigliare il Stato*; а римляне тож часто делали введением закона о разделе земель» (там же, стр. 27). Правда, автор настроен пессимистически и считает, что переделы происходили «без всякого успеха». Общество делится на довольных и недовольных: «...первые желают мира и соблюдения того, что имеют; вторые отваживаются на опасность в надежде достать себе то, чем другие законно владеют». Но само законное владение оказывается результатом древнего грабежа. Нынешние сторонники «порядка происходят от счастливых его противников». «Таким образом, древние норманы по разделению между собою отнятых у англичан земель и имений ревностными стали защитниками древних саксонских порядков или обыкновенных аглинских законов противу нарушителей оных собственных королей своих» (там же, стр. 29). Выхода автор не видит: общество вечно будет раздираемо враждой, в которой обе стороны по-своему правы и не могут прийти к примирению.